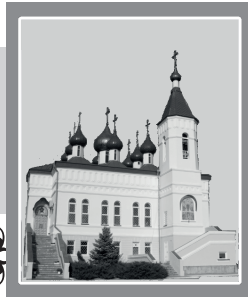




ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



СЛОВО ПАСТЫРЯ



собственных состояний.

Нравственно и умственно человек пребывает в некой системе мысленных координат. У него должны быть четкие понятия относительно, например, счастья, и мы бываем свидетелями или участниками таких жарких споров, при которых один избрывает свой идеал, а другой с презрением отвергает предложенную картину. И о чем еще могут спорить ожесточенно люди, если не о противоположно понимаемых понятиях Любви, Счастья, Истины?

Говорят, перед смертью Чингиз-Хан высказался о счастье в том духе, что оно заключается в том, чтобы видеть спину убегающего врага, брать его имущество, насиловать его женщин и т. д. Говорил ли он это в действительности, утверждать не буду, но факт, что подобные примеры бесчисленны. Помыть руки в крови своего врага или сплестись канкан на его могиле могут считать пределом счастья и в наши теоретически нежнейшие времена.

При этом другой человек, который тоже в известных ситуациях может поддаться пьянству страстей или азарту военного кровопролития, скажет: «Нет, это вовсе не счастье. Счастье в ином». И далее разговор с выяснением смысла понятий может продолжиться. Перед нами пример ситуации, в которой внешние события идентифицируются на основании внутренних критериев, некоего «знания о знании».

Вопросы священнику



Для чего Иисус Христос позволил изгнанным из бесноватого человека нечистым духам войти в стадо свиней? Ведь все равно свиньи сбросились со скалы... Какой был в этом смысл?

Господь разрешил нечистым духам войти в стадо свиней по следующим причинам: Он показал нам, что злые духи, сами по себе, без дозволения Божьего, не имеют власти войти даже в животных, а тем более в человека. Это должно предостерегать нас от излишнего страха перед демонической силой, в том числе перед колдовством и чародейством, зная, что все находится в воле Божией. Если Господь попускает беснование, то по Своему промыслу, как испытание, наказание за грехи, или укрепление веры через тяжелый опыт соприкосновения с демонической силой.

Второе: свиньи, будучи терзаемы демонами, бросились в море и, несмотря на то, что свинья хорошо плавает, потонули все, то есть предпочли смерть мучениям, которые испытывали. Это должно показать нам, как страшен ад, когда душа грешника будет во власти нечистых духов, поэтому человек должен бояться своих грехов и страстей, которые разжигают геенский огонь.

Третье: Господь наказал жителей Геннисарета за нарушение правила Ветхого Завета – не употреблять свиного мяса. До образования Новозаветной Церкви обрядовые правила Ветхого Завета должны были исполняться.

Такие критерии очень важны. Нужно не просто любить, но знать, что любишь, то есть давать себе отчет в том, чем отличается твое состояние от опьянения чувственностью или легкого увлечения. Скажем, ненасытное желание брать и пользоваться, есть признак страсти, а желание отдавать и жертвовать (здоровьем, жизнью, имуществом, силами) указывает на любовь. Таковы, по крайней мере, христианские координаты, а другие мировоззрения, пожалуй, представят иные критерии.

Поднятая тема имеет важность всюду, где сталкиваются мировоззрения. Человек или общество, положим, веруют в Бога. Они не дают себе труда обезопасить мир своей веры и полагают, что верить – так же естественно для человека, как для птицы – летать. Это вовсе не ложная мысль. Она скорее райская, неповрежденно-чистая. Но мы не в раю. В нашем мире за веру нужно умно бороться. И вот к человеку, пребывающему умом в наивном раю, приходит собеседник и начинает разговор. (Все катастрофы начинаются с разговора.) Наш верующий человек впервые слышит о себе, что он просто глуп и суеверен, что его вера – сказка, а смысл бытия лежит в совсем иных областях. Война развязана, хотя и не объявлена.

Человек может встревожиться, может почувствовать, что посягают на целостность его жизни, на традиционные ценности и святыни. Он может ввязаться в спор, борьбу, для чего начнет подбирать аргументацию, спрашивать знающих, думать. Спокойствие уйдет надолго. Другой на его месте может неожиданно скоро согласиться с услышанным, и начать перенимать новый стиль мышления, а потом и жизни. Если объектом внедрения неслыханных учений и умных новшеств будет не отдельный человек, а целый народ, то всегда будет немало тех и других: встревоженных и озабоченных с одной стороны, и плененных – с другой. Будут также и представители промежуточных состояний.

Есть мнение, что жители Геннисарета – иудеи – сами не ели запрещенного мяса, но разводили свиней для продажи язычникам, которых было много в Галилее, и тем самым нарушали заповедь: «Не делай другому того, что не желаешь себе».

Четвертое: Господь покарал жителей Геннисарета за сребролюбие, которое проявилось в том, что они, увидев бесноватого исцеленным, не обрадовались этому, а стали скорбеть о гибели свиней – материальном убытке, и даже вида чудо, совершенное Христом, не приняли Его.

На работе пытаюсь молиться, читать духовную литературу; коллектив мирской, невоцерковленный, чтобы не выделяться, никого не обидеть своей «духовностью», веду себя как все – пустословлю, сплетничаю, поддерживаю беседы о грешных делах. Как лучше себя вести, чтобы соблюсти веру и не быть «белой вороной»?

Я думаю, что общаясь с нецерковными людьми надо избегать двух крайностей, а именно: не следует говорить о вере с теми, у которых заглушено религиозное чувство и в ответ вы можете услышать насмешку и оскорбление; а с другой стороны, христианин не должен растворяться в этом мире, подыгрывать его грехам и порокам, чтобы не показаться, как вы говорите, «белой вороной». Лучше молчать и заниматься своим делом, но если необходимо вступить в беседу, то найдите нейтральные темы – не духовные, но и не греховные, и не растягивайте разговор больше, чем это нужно. В противном случае, вы сами того не желая, окажетесь ни черной и ни белой, а пестрой вороной.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Человеку, таким образом, коль скоро его верования соотносятся с Истиной, предстоит дать себе отчет о своих верованиях. Он должен знать, во что он верит, а во что не верит (например, верит в воскресение мертвых и не верит в перевоплощение). Границы его веры должны быть очерчены, так чтобы вторжение на территорию веры обнаруживалось сразу, а не тогда, когда противник уже сжал вокруг мировоззренческого ядра кольцо блокады. Нужна догматическая грамотность, к которой должна присоединиться затем и грамотность историческая. Отсутствие подобной грамотности делает народное тело открытым и уязвимым в самых жизненно важных местах. Человека не нужно калечить, убивать или превращать в раба, если его можно обмануть. В обманутом состоянии он и так будет калеккой, трупом или объектом манипуляций в зависимости от воли обманувшего.

Одним из недопустимых отношений к вере есть сведение ее к одним лишь ощущениям и переживаниям, то есть превращение веры в нечто специфически бабское, не умное, не умеющее говорить, но лишь слезящееся в свои лучшие минуты. При таком состоянии люди могут обладать сокровищем, но не отдавать себе полного отчета в том, чем они обладают. Любая продажа первородства, любая успешная культурная экспансия случается только на фоне непонимания того, чем ты обладаешь, что можешь потерять, и в чем неравнозначность предлагаемой тебе замены.

Когда в новейшее время мудрецы сказали, что знание это сила, они имели в виду специфически понятое знание и такую же специфическую силу. Имелось в виду позитивное знание ради покорения природы и управления ею. Православные христиане тоже должны говорить о знании, но в ином смысле и ради других целей. Для нас знания – средство избавления сознания от современного идолопоклонства. Для нас знания это не столько сила, сколько свобода.

И просветление небес над Родиной возможно только по мере просветления ума у граждан, значительная часть которых является православными христианами.

Есть времена, когда нужно молча идти в плен (читай книгу пророка Иеремии). Есть времена возвращения и восстановления храма (читай Ездру и Аггея). И есть настоящая нужда в обращении к закону и откровению, то есть к воспоминанию забытого и узнаванию непознанного духовного опыта. Этот труд должен перерасти рамки факультативных упражнений узкого круга узких же специалистов, и стремиться к тому, чтобы стать всецерковным трудом. Вся полнота Церкви призвана богословствовать, и немые в отношении богословия эпохи тождественны египетскому рабству.

Вообще обозримое будущее будет все более предъявлять требований к уму и сердцу человека. Оно, как сфинкс, будет загадывать путникам загадки, угрожая сожрать всякого недотепу. Это будущее будет таким, что 1) игнорировать его или бежать от него будет все тяжелее, а то и совсем невозможно; 2) характер его будет настолько агрессивно-привлекателен, что оно будет просто таки врываться во внутренний мир людей на правах хозяина. Кто захочет сохранить здравый смысл, память о Боге и нравственную свободу, должен будет обладать светлой умной организацией, духовным опытом, знанием и дисциплиной. Всех остальных можно будет только пожалеть.

Итак, прежде нежели мы, как требует того верховный Петр, сможем дать иным ясный отчет о нашем уповании; прежде, чем кто-то спросит у нас этот самый отчет, мы должны дать отчет самим себе и о предмете нашей веры, и об ее уникальности, и пройденном нашей страной историческом пути, и о всей уже прожитой истории Церкви. Это задача не из простых, при том, что она вполне конкретна и ничуть не фантастична.

Протоиерей Андрей Ткачѳв

Мысли на воскресное Евангельское чтение



Свт. Феофан Затворник: «Притчу о двух должниках Господь заключил такими словами: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его». Кажется, такая малость требуется: прости и будешь прощен; а когда прощен, то и в милость принят; а когда в милость принят, то стал участником во всех сокровищах милости. Стало быть, тут и спасение, и рай, и вечное блаженство. И такое великое приобретение за такую малость, что простим!.. Да, малость, но для самолюбия нашего нет ничего тяжелее, как прощать. Ненамеренную какую-нибудь неприятность, тайно причиненную нам, так чтоб никто не видал, мы еще, пожалуй, простим; но чуть что почувствительней да при людях, хоть не проси: нет прощения. Бывают обстоятельства, что хочешь не хочешь, а высказать неудовольствия нельзя, – и молчишь: на язык-то молчит, а сердце говорит и строит злые планы. Повыссься неприятность еще на одну линию, – и удержи не: ни стыд, ни страх, ни потери – ничто не удержит. Вскипевшая самасть делает человека словно помешанным и поддавшийся ей начинает гордиться глупости. Такому несчастью больше всего бывает подвержены люди не какие-нибудь, а чем кто цивилизованней, тем чувствительней к оскорблениям, тем меньше прощает. Снаружи отношения иногда все еще остаются гладкими, но внутри решительный разлад. А между тем, Господь требует, чтобы прощали от всего сердца». (Мф. 18, 23-35.)

05.08.2018. Патриарх Грузинский назвал решение суда о легализации марихуаны «враждебным по отношению к нации».

06.08.2018. В Одессе откроются две новые мечети. В Одессе откроются две новые мечети – одна даже с минаретом, сообщает издание «Думская». Сейчас на одном участке ведутся подготовительные работы, сообщили «Думской» в муниципальном управлении архитектуры и градостроительства. Еще одна новая мечеть уже построена. Рядом с ней возвели православный храм. Таким образом, всего в Одессе будет уже пять исламских молитвенных домов.

07.08.2018. В 15-ю годовщину со дня кончины митрополита Сурожского Антония в Лондоне прошли памятные богослужения.

НОВОСТИ

07.08.2018. Отпевание погибшего в ЦАР журналиста Александра Расмарева прошло в московском храме святых Космы и Дамиана.

08.08.2018. В Сербской Церкви предостерегли политиков от тайных решений по Косово. Член Священного синода Сербской Православной Церкви епископ Рашско-Призренский (епархия покрывает территорию Косово и Метохии) Феодосий публично предостерег сербских политиков от тайных решений по разделу территории Косово. Епископ Феодосий в конце июля написал открытое письмо, в котором призвал руководство в Белграде и Приштине не рассматривать как возможное решение проблемы региона территориальный раздел Косово на меньшую северную «сербскую» и центральную и южную «албанскую» части.

«*Сила молитвы*»
и другие рассказы
Межавторский сборник

Продолжение. Начало в № 6 (451)

Оказалось, что детишек оставить не с кем: старшая дочь отца Георгия и матушки Татьяны, пятнадцатилетняя Ксюша, с утра поехала в Сосенки, к бабушке. Бабушка, мама священника Георгия, страдала гипертонией. Ксюша попросилась у нее переночевать: накануне бабушка плохо себя чувствовала. Матушка Татьяна разрешила, она не думала, что роды начнутся так скоро, — до положенного срока ходить оставалось еще две с половиной недели. Но человек предполагает, а Бог располагает...

Годовалый Сережа, Сенья двух с половиной лет, семилетний Коля, восьмилетняя Катерина и десятилетние озорники Борис и Глеб — на кого оставить детей? Матушка впала было в панику, но, помолившись, успокоилась. Она надела старый полушубок мужа (так как больше ни во что не влезала), валенки и, корчась от накаляющейся боли, вышла из избы и поплелась в сторону деревни.

Стороннему наблюдателю ее положение показалось бы просто ужасным: две бабушки из соседней деревушки, практически единственные постоянные прихожанки храма отца Георгия, они и пели, и убিরались, посидели бы с детьми, но сильно заболели: обеих свалил грипп и уже вторую неделю они не приходили на службы. А в деревне, где обитала в приходском доме семья отца Георгия, жилыми оставались только три дома. В ближайшем к ним полуразвалившемся домишке с рассыпавшимся лет двадцать назад забором жила древняя, почти выжившая из ума, но безобидная девяностопятилетняя старушка. Детей на нее оставить было нельзя никак: она сама была, что называется, как ребенок, и отец Георгий периодически навещался к ней, чтобы причастить ее, а матушка часто посылала ребятишек отгнать ей то хлебушка, то картошки.

За ней, через два заброшенных двора, стоял крепкий еще дом, в котором жил одинокий нелюдимый мужчина лет шестидесяти, много лет назад похоронивший жену. Детей у них не было. В храме он не бывал никогда и с отцом Георгием, несколько раз пытавшимся поговорить с ним, старался не общаться — попросту избегал его.

Сразу за его домом находилось владение москвичей. Лет двенадцать назад они сдали свою трехкомнатную квартиру в Бибиреве и купили здесь у родственников небольшой, но вполне приличный домик. За это время они успели прикупить еще два ближайших к ним участка вместе с домами, разобрать старые постройки, обнести свою землю забором из сетки «рабицы» и построить шикарный, на взгляд отца Георгия и матушки, двухэтажный дом с камином и двумя небольшими печками. К ним-то и направлялась матушка Татьяна.

Она дружила с Ариной, простой и доброй женщиной, которая, на удивление Татьяны, полюбила деревенский быт и все, что с ним связано. Когда Арина с Романом приехали сюда, их единственному сыну Петру не было и двух лет, а потом, уже здесь, у них родились еще две дочери. Рожала Арина дома, с мужем, и, сколько она ни убеждала Татьяну в том, что домашние роды благо как для ребенка, так и для мамы, матушка Татьяна каждый раз направлялась в областной роддом за восемьдесят километров.

Еще не дойдя до их широких ворот матушка Татьяна поняла, что они уехали. Она вспомнила: Арина говорила ей, что они все вместе собираются съездить в Москву: необходимо навестить жильцов и проверить, платят ли они вовремя коммуналку за квартиру. К тому же у младшей дочки почти закончились подгузники. Да и пора закупать бытовую химию — порошки и моющие средства тоже кончились, нет лампочек и чего-то еще... Не успела Татьяна подумать об этом, как согнулась от боли и села в сугроб. Переждав схватку, она встала и, так и не стряхнув с себя снег, направилась к Николаю — так звали одинокого необщительного мужчину.

Стучалась матушка долго. Николай открывать не хотел. Но свет горел, и Татьяна, читая про себя Иисусову молитву, продолжала терпеливо барабанить в дверь избы, глядя в окно, из которого виднелся голубоватый квадрат. Может

быть, Николай смотрел телевизор и задремал?

Матушка думала о том, что двое старших сыновей, Борис и Глеб, были слишком своевольными и с ними никак нельзя оставить малышей. С восьмилетней Катей — еще куда ни шло, но ведь эта парочка не будет слушаться Катерину. Они наверняка перевернут вверх дном весь дом, а то и пожар устроят — вон как тогда, в конце лета. Она вздрогнула, вспомнив, как в августе сыновья подожгли стог сена, и только чудом огонь не перекинулся на забор, а ведь там и до курятника недалеко...

Наконец послышалось шлепанье тяжелых резиновых штиблет и Николай распахнул дверь.

— Простите... — просипела матушка обветрившимися губами.

— Чем обязан? — недовольно спросил Николай.
— Я... рожая... — только и успела вымолвить Татьяна, как боль пронзила ее. Матушку настигла очередная схватка, и она подумала, что промежутки что-то стали слишком короткими. Или это не схватки, а просто боль?

Глаза Николая округлились. Он посмотрел на Татьяну, но ничего не ответил.

— Муж повезет меня в роддом. Пожалуйста... побудьте с детьми. Они сейчас одни. Старшая, Ксюша, уехала в Сосенки, к бабушке, и младших не с кем оставить.

Николай постоял несколько секунд, глядя перед собой, потом сплюнул с крыльца в снег и прикрыл дверь.

— Николай... Николай, пожалуйста... — прошептала отчаявшаяся было Татьяна, как вдруг услышала:

— Дай тулуп-то одеть.

Через минуту дверь снова отворилась, Николай аккуратно повесил большой висачий замок и спустился с крыльца.

Всю дорогу он не проронил ни слова.
Татьяна довела его до избы, схватила два пакета, в которых были заранее бережно сложены ночная рубашка для роддома, шлепанцы, вещи для малыша, и, на ходу поцеловав растерянную дочь, вышла из дома.

— Кажется, Катеринка плачет, — прошептала Татьяна и смахнула слезу.

Когда Татьяна вошла в храм, служба уже закончилась. Батюшка, убиравшийся в алтаре, посмотрел на нее и все понял.

Он сразу выхватил из рук Татьяны пакеты и, подхватив ее под локоть, довел до машины. Старенькая «Нива» стояла тут же, напротив храма. Отец Георгий завел мотор и покачал головой. Взглянув на Татьяну, которая, держась за низ живота, согнулась от боли, он спросил:

— Что ж ты так? Дотянула? А если не успеем?

— Когда ты на службу шел, еще ничего не было, — прошептала Татьяна.

— Но ты вроде еще днем сказала, что живот побаливает? — уточнил батюшка.

— Так я думала, что это предварительные схватки. Они к концу беременности то появляются, то исчезают, — ответила Татьяна.

— Не разберешь вас, — пробормотал отец Георгий в бороду, поворачивая руль.

Машину едва не закрутило: сразу после оттепели грянули морозы.

— Осторожнее! — попросила Татьяна и добавила: — Ой как болит-то...

Отец Георгий с тревогой посмотрел на нее.
— Не успеем, — еле слышно прошептал он.

* * *

Пока машина неслась по обледенелой дороге, Николай в поисках телевизора зашел в просторную кухню и увидел малышей, сидящих на полу на двух толстенных ватных одеялах среди кучи разбросанных игрушек.

По телевизору шел мультфильм про зайца.

— Это я, Ушастик. Это я погулять вышел, — сказал один из мальчиков тихим голосом и посмотрел на Николая.

Николай сильно покраснел, потому что вдруг вспомнил, как в школе его дразнили Ушастиком за большие, оттопыренные уши. С возрастом уши Николая, конечно, не стали меньше, но летом он прятал их под кепку, а зимой под шапку-ушанку.

Николай потерял уши и спросил у малышей:
— Где у вас тут пулы? Сейчас будем смотреть футбол.

Дети посмотрели на него и ничего не ответили.
— Вы слышите, эй! Где пулы? — повторил Николай.

— Мы им не даем пулы, они еще маленькие, — ответила ему девочка с большими испуганными глазами, которая неслышно подошла сзади.

— У нас нет антенны, — сказал Николаю один из близнецов.

— Мы только смотрим мультики на дисках, — вторил брату другой близнец.

Николай расстроился: шел финальный матч по футболу.

— А ты правда безбожник? — вдруг услышал он и обернулся.

Справа от него стоял еще один невысокий худенький мальчик с большими серьезными серыми глазами.

— Это почему я безбожник? — обиделся было Николай.

— Я слышал, как папа говорил маме, что ты безбожник. Вот я и спрашиваю: почему ты безбожник? — спросил мальчик Николая, глядя ему в глаза.

— Ты еще маленький, вот подрастешь и поймешь, — снисходительно ответил Николай мальчику, потрепав его коротко стриженные волосы на затылке.

— А я уже все понимаю, — ответил ему ребенок.

— М-да? И что ты понимаешь? — с усмешкой спросил Николай.

— Я понимаю, что люди делают сами себя несчастными. Вон Борька с Глебом маму не слушаются, и поэтому папа у них снежок отобрал, — ответил мальчик.

— А ты — подлиза! — крикнул ему один из близнецов и поднял руку, чтобы толкнуть мальчика в спину, но Николай, перехватив руку Бориса (или Глеба?), строго сказал:

— А ну не балуй!

Катерина подошла к малышам и взяла на руки младшего братишку:

— Дядя Николай, я пойду уложу Сережу спать.

— А ты умеешь? — деловито поинтересовался Николай и тут же покраснел: он сам не имел ни малейшего представления о том, как укладывать спать младенцев.

— Да, мне мама уже давно разрешает его укладывать, — гордо ответила девочка.

— Ну иди... а не рано ли?

— Нет, он глазки трет уже. Если сейчас его не умыть, не переодеть и не уложить, то он начнет хныкать, а потом будет орать. Мама всегда говорит, что все надо делать в свое время, — пояснила Катюша.

— И переоденешь сама?

— Да, я уже два года умею переодевать, я даже Сеню переодевала, когда он совсем маленький был, — гордо сказала Катя.

— А что ж тогда ваша мать меня позвала, раз вы такие самостоятельные? — с недоумением спросил девочку Николай и увидел, как Катя и сероглазый мальчик покраснели и посмотрели на широкий диван, на котором Глеб с Борисом занимались чем-то, по-видимому, очень интересным.

Николай тихо подошел к ним и все понял: мальчишки собрались сделать «петуха». Они стащили коробок спичек и, взяв небольшое блюдце (видимо, для того, чтобы не испортить диван), сложили спички горкой. Положив им руки на плечи, Николай спросил:

— Парни! Вы что — совсем обалдели?

— Мама не разрешает им брать спички! — звонким голосом крикнула Катя.

— А ты — ябеда! — крикнул один из братьев и, схватив Катю за подол юбки, с силой дернул ее так, что ткань затрещала.

Катя собралась было заплакать, но передумала и, плотнее прижав к себе младенца, вышла из кухни.

— Что вы за люди такие? — возмущенно спросил Николай близнецов.

Ребята молчали потупившись.

— Неужели непонятно, что с огнем шутить нельзя?

— Мы не шутим, мы играем, — отозвался один из братьев.

— Играть тоже нельзя, тем более что мать вам это запретила. Я свою мать слушался! Знаете, как она меня лупила! И всегда за дело! И вас надо бы выпороть! — не удержался Николай.

— Нас папа с мамой не бьют, — разом ответили дети.

— А зря! В общем, так! Я вам не мама и не папа. Если что — выдеру вот этим ремнем, — сказал Николай строгим голосом и показал пальцем на старый солдатский ремень с кованой пряжкой.

Продолжение следует

ОТЕЧНИК



«Возлюбим воздержание во всей полноте его, удручая подвигом наши члены и содержа в них мертвость от страстей, чтоб стяжать сердце мужественное против врагов наших, подобно великому пророку Илии Фесвитянину».

Сказал авва Исаия: «Во Второзаконии заповедает Бог Израилю:

«Аще изыдеши ополчитися на враги твои: да сохранишия от всякого слова и дела зла» (Втор. 23, 9), — то есть, от всякого, какого бы то ни было, удовлетворения страстям, и в свое время предастся враг твой в руки твои. Из иноплемennых народов, враждебных вам, «не оставите жива всякого дыхания», то есть, не допускайте никакому наветующему вас греховному помыслу жить, согласием и беседою с ним, «да не научит вас творити всякия мерзости своя, и согрешите пред Господом Богом вашим» (Втор. 20, 16-18). Подвижнику, пришедшему в робость при виде страшных, исполнскорого росту врагов, и сомневающемуся в победе над такими врагами, вещает Бог: «Не возможеши погубити их вскоре, да не будет земля пуста, и умножатся зверие дивии на тя: но помалу малу погубит Господь Бог твой языки сия от лица твоего» (Втор. 7, 22). Между тем ты возрастешь числом, то есть, обогатишься опытностью подвижничества. Часто повторяет Бог заповедание Израильтянам, что они не входили ни в какое дружественное сношение с народами Ханаанскими, которых Бог вознамерился истребить с лица земли Обетованной. Это заповедание относится к нам: им воспрещается всякое и самонаималейшее увлечение и наслаждение грехом».

* * *

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

12 авг., вс. — Неделя 11-я по Пятидесятнице. Апп. от 70-ти Силы, Силуана, Крискента, Епенета и Андроника (I). **Мч. Иоанна Воина (IV).**

13 авг., пн. — Предпразднство Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Прав. Евдокима Каппадокиянина (IX).

14 авг., вт. — Изнесение Честных Древ Животворящего Креста Господня. Семи мучеников Маккавеев (166 г. до Р. Х.). *На утрени — вынос Креста по чину Крестопоклонной Недели. Начало Успенского поста.*

15 авг., ср. — Перенесение из Иерусалима в Константинополь мощей первомч. архидиакона Стефана (ок. 428) и обретение мощей правв. Никодима, Гамалиила и сына его Авива. Блж. Василия Московского, чудотворца (1557).

16 авг., чт. — Прпп. Исаакия, Далмата и Фавста (IV-V). Прп. Антония Римлянина, Новгородского, чудотворца (1147). Прп. Космы отшельника (VI).

17 авг., пт. — Семи отроков, иже во Ефесе: Максимилиана, Иамвлиха, Мартиниана, Иоанна, Дионисия, Ексакустодиана (Константина) и Антонина (ок. 250).

18 авг., сб. — Предпразднство Преображения Господня. Мч. Евсигния (362). Прп. Иова Ушельского (1628). Сщмчч. Анфира (236) и Фавия (250), пап Римских.

Еженедельное издание православного прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь ТДЕ ММ РПЦ. Выпускающий редактор — иеродиакон Давид (Дьяченко). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/> Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!